

УДК 398=221.18

## НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИКЛООБРАЗОВАНИЯ В ОСЕТИНСКОМ ЭПОСЕ

**Ханаева З.К.**

*ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», Владикавказ, Россия, (362025, РСО-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46), e-mail: zk.khan@mail.ru*

Статья посвящена одной из основных версий нартовского эпоса – осетинскому эпосу, вопросу циклообразования. В исследованиях ученых так или иначе уже затрагивались вопросы сюжеттики осетинского нартовского эпоса, как и вопрос полижанрового состава, однако сюжетосложение нартовского эпоса с точки зрения циклизации, как и сами принципы циклообразования, в осетинском эпосе во взаимосвязи мотивов и сюжетов в цикле и межциклические связи не рассматривались. В связи с этим мы обратились к поэтике осетинского эпоса, в основном к сюжетосложению как основе циклообразования. В центре внимания мотив и функция мотива в циклической системе жанра; возможности переработки мотива в сюжет и особенности комбинации мотивов, их продуктивность и роль в процессе формирования сюжета. Сопоставление мотивов и сюжетов, в которых эти мотивы существуют, позволяет представить механизмы сюжетообразования и циклизации.

Ключевые слова: циклообразование, контаминация, амплификация, сюжетные комплексы, блоки мотивов, доминанта героя.

## SOME ASPECTS OF CYCLE-FORMING IN THE OSSETIAN EPOS

**Khanaeva Z.K.**

*The North-Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia (362025, The Republic of North Ossetia - Alania, Vladikavkaz, Vatutina street, 46), e-mail: zk.khan@mail.ru*

The article is dedicated to one of the important versions of Nart epos – to the Ossetian epos, to the questions of cycle-forming. The issues of the plot structure of the Ossetian Nart epos as well as the question of polystyle composition have been addressed in the studies of scholars. However Nartian epic plot formation in terms of cyclization and the principles of cycle-forming in the Ossetian epos in interrelation of motives and plots in the cycle as well as links between cycles have not been considered yet. In this regard, we turned to the poetics of the Ossetian epos, primarily to plot-forming as the basis of cycle forming. We focused on the motive and the function of the motive of the circular system of the genre; the possibility of the development of the motive into the plot and particular qualities of motive combinations, their productivity and role in the process of the plot formation. The comparison of the motives and the plots in which these motives exist, allows to introduce the mechanisms of plot-forming and cyclization.

Keywords: cycle-forming, contamination, amplification, plot complexes, blocks of motives, dominant of the hero.

### Введение

Предметом нашего исследования является осетинский нартовский эпос. В осетинском эпосе под циклом понимаются сказания, объединенные вокруг одного героя или группы героев в процессе «эпической кристаллизации».

Помимо отмечавшихся исследователями факторов циклообразования (идейная связь, объединение сказаний единым понятием «нарт», генеалогическая связь героев эпоса [1-4]), существуют и другие объективные факторы нартовской эпической системы, способствующие целостному восприятию нартовского эпоса, благоприятствующие созданию единой повествовательной линии на межсюжетном уровне. К таким объективным факторам прежде всего относятся контаминационные процессы.

### Обсуждение результатов исследования

Можно говорить о контаминации творческой или традиционной, органической контаминации и о контаминации механической, как средстве восполнения забытых звеньев повествования. При механической контаминации соединение сюжетов носит случайный характер, ослаблены мотивировки. Творческая или, условно говоря, «целесообразная» контаминация, основанная на традиции и законах развития жанра, воспринимается как художественное целое. Благодаря такой контаминации создается единая событийная цепь, и она является одной из форм существования эпического сказания во времени.

Нас интересует контаминация как явление, способствующее слиянию сюжетов и образованию циклов.

В осетинском эпосе контаминационные процессы наблюдаются на различных уровнях текста. Контаминации подвергаются мотивы, превращаясь в устойчивые сюжетные образования или блоки, сюжетные комплексы, сюжеты. Причем под блоком мотивов мы понимаем мотивы, имеющие тесную связь и выступающие в тексте в виде устойчивых структур типа лейтмотивов и общих мест. Под комплексом же мы понимаем более широкое объединение, в которое входят и блоки мотивов. Таким образом, сюжетный комплекс представляет собой сюжетную структуру, вбирающую в себя устойчивые блоки мотивов и играющую большую роль в сюжетообразовании цикла; создающую повествовательную цепочку, в которую выстраиваются события в логической последовательности. Так, например, в начальном цикле нартовского эпоса «Уархаг и его сыновья» каждый мотив поясняет последующий, в результате чего создается последовательная событийная линия. Благодаря имплицитной связи между мотивами сказание приобретает устойчивость. Начальный цикл осетинского нартовского эпоса, благодаря логической последовательности событий и слиянию сюжетов, приобретает черты единого рассказа, повествующего о происхождении нартовского рода. И далее, переступая грань цикла, сюжетная нить перекидывается к следующему циклу, продолжая повествование и формируя межциклическую связь. Этим связующим звеном становится сюжет о женитьбе Урызмага на Сатане.

Благодаря имплицитной связи мотивов, начальный цикл осетинского нартовского эпоса не создает «свободных» (или «блуждающих») сюжетных образований, способных переходить в другие сказания. Единственный блок мотивов, характерный для сказаний нартовского эпоса в целом и встречающийся в начальном цикле, – это мотивы, связанные с увечьем слабого (богатырские игры героя в детстве), и испытание матери. И то в данном цикле эти мотивы дают оригинальный поворот сюжета: Урызмаг и Хамыц отправляются на поиски своего деда. Обычно же этот блок мотивов имплицитно мотивирован мотивом кровной мести.

В цикле Уархага и сыновей встречаются мотивы, восходящие к мифологическим

представлениям, олицетворяющим силы природы и различные стихии; к первобытно-родовым отношениям. Здесь представлены такие древние темы, как тема близнецов и братоубийства, известные в фольклоре многих народов, причем тема близнецов в цикле дублируется: две пары близнецов фигурируют в осетинских сказаниях – Ахсар и Ахсартаг, Урызмаг и Хамыц. Здесь же мы находим сказочный сюжет о похищении девушками-птицами яблок из чудесного сада. И все эти разновременные и разнородные мотивы прекрасно сосуществуют, стойко сохраняясь в вариантах сказания, причем все они в известной степени эпичны. Разножанровые темы, сплетаясь, подчиняются законам эпического повествования.

Имплицитный характер связи присущ многим сказаниям осетинского нартовского эпоса. Это и сказание о рождении и закалке Сослана, сказание о встрече Сослана с великаном Мукарой, о взятии крепости Хыз, сказание о женитьбе Сослана и его смерти, сказание о женитьбе Урызмага на Сатане, о голодном годе нартов и многие другие. Такая устойчивая связь сохраняет последовательность эпических событий, их непрерывность.

Сцепляясь и образуя устойчивые комплексы, мотивы формируют сюжеты сказаний, сказания же, группируясь вокруг героя, представляют его жизненный цикл. И здесь к важным сюжетным образованиям, важным именно в смысле формирования цикла, относятся комплексы мотивов чудесного рождения героя и, особенно, уязвимости или «ахиллесовой пяты».

Уязвимость предопределяет цикличность биографии, другие же мотивы, сюжеты наполняют эпическую жизнь героя. Именно по такому принципу строятся циклы Сослана и Батраза, но единая модель необыкновенного рождения и уязвимости получает свою интерпретацию в зависимости от характера образа героя: Сослан рождается из камня, Батраз – из спины Хамыца. Блоки мотивов чудесного рождения и уязвимости выступают вместе и предоставляют устойчивую контаминированную пару.

Уязвимость, обосновывающая смертность чудеснорожденных и бессмертных (неуязвимых) героев, определяет циклическое построение эпической биографии.

Эпос осетин богат разнообразными мотивами, причем многие мотивы существуют в связанном виде, кочуя из сказания в сказание. К таким устойчивым сюжетным объединениям мы относим мотивы увечья – испытания матери – кровной мести. Вместе эти мотивы и составили сюжетный комплекс, ставший продуктивным в фольклоре кавказских народов. В подобных блоках предшествующий мотив имплицитно порождает последующие, порождая довольно устойчивую связь. Этот сюжетный комплекс играет большую роль в цикле Батраза, где тема кровной мести является одной из основных и получает множественную интерпретацию. Сюжетный комплекс, провоцирующий кровную месть, продуктивен и в сказаниях о так

называемых молодых героях. Так, например, он фигурирует в сказании об Ацамазе и Насран-алдаре [6, п. 1, д. 2, л. 1-7].

К устойчивым сюжетным комплексам мы относим и эпизод, связанный с приглашением старшего в поход за добычей и с угоном скота, широко распространенный в осетинском эпосе. Эти блоки связываются опять же с именами молодых героев эпоса – сыном Урызмага, Ацамазом, Саууаем. Переходя из сказания в сказание, они формируют определенный тип сюжета, устойчиво закрепленный за молодыми героями. Данный контаминационный ряд может включать и еще одно звено: выход героя из Страны мертвых, а затем приглашение в поход и угон скота. Причем эти сюжетные комплексы настолько сплелись друг с другом, что мы можем говорить о превращении их в эпические клише. Даже описательные детали в них совпадают: богатырство коня и всадника (пар из ноздрей коня растапливает снег, вокруг спящего героя зеленеет трава); выход из Страны мертвых (отпрашивание у Барастыра, перековывание коня задом наперед).

Продуктивным в сюжетообразовании эпоса является и устойчивый комплекс мотивов, связанный с отправлением малолетнего героя в нартовское войско. Маленький Саууа отправляется прямо из колыбели на помощь Сослану, осаждающему крепость Хыз [6, п. 76, д. 47-3, л. 3-8], Ацамаз идет в войско Насран-алдара [6, п. 1, д. 2, л. 1-7]. Оформление этого сюжетного комплекса в разных сказаниях совпадает: герой выводит и отмывает отцова коня, берет оружие, которое «от жажды боя испускает синее пламя».

Устойчивым является и эпизод богатырских игр Сослана, но он продуктивен только в цикле этого героя, где является одним из доминантных.

Сюжетные блоки «кровная месть», «угон скота» составляют основу многих сказаний эпоса, но большую роль в формировании сюжетов играют и экспозиционные мотивы сказаний. К широко распространенным в осетинском эпосе мотивам подобного типа мы относим мотивы приглашения на пир, отправления в поход (балц), на охоту; ситуацию голодного года (мотив недостачи). Именно с этих мотивов начинается большинство сказаний осетинского нартовского эпоса, и здесь возможен любой поворот событий, т.е. связь в данном случае менее прочная, имеется возможность выбора из определенного круга мотивов: сказание, начавшееся с нартовского пира, может продолжиться темой героического сватовства (взятие крепости Хыз) или другим подвигом героя (например, спасение Урызмага). Тема пира может быть фоном для разворачивающегося действия, выступать как экспозиционная, а может быть и основной, как в сказании о голодном годе нартов. В этом сказании мотив недостачи предстает в виде голодного года и, таким образом, получает оригинальную интерпретацию в осетинском эпосе. Этот мотив популярен именно в осетинском нартовском эпосе. Сказания, начинающиеся с голодного года, часты в цикле

Урызмага и Сатаны. Сатана приглашает на пир обессиленных от голода нартов и спасает их от гибели; с голодного года начинается и сказание о безымянном сыне Урызмага. Или же в голодный и холодный год нарт Сослан гонит нартовские стада в теплые земли великана Мукары. Как видим, ситуация голодного года (мотив недостачи) может в эпосе реализовываться по-разному.

Пир и набеги, охота – это стиль жизни нартов, отсюда и популярность в эпосе мотивов, связанных с бытовыми реалиями жизни нартовского народа. Контаминации мотивов, блоков мотивов создают определенную структуру сказания, способствуют движению сюжета. Межсюжетные же контаминации способствуют показу нескольких эпизодов из жизни героя, стремясь охватить большее число его подвигов. В этом стремлении рассказать о герое все (или как можно больше), охватить всю его жизнь и возникают повествования эпопейного характера. Контаминацию подобного типа мы наблюдаем в цикле Батраза. Эпизоды эпической жизни Батраза могут существовать в связанном виде, представляя собой единое сказание: рождение, закалка, смерть Хамыца, игры Батраза в детстве (богатырское детство), месть за смерть отца, борьба с небесными силами, смерть. В цикле Батраза параллельно даются и эпизоды эпической жизни его отца. Таким образом, биографии двух героев осетинского эпоса сплетаются в цикле Батраза, и весь цикл может передаваться как цельное сказание. Такая же тенденция наблюдается в цикле Уархага и его сыновей, где межсюжетные внутрициклические контаминации переходят в межциклическую, объединяя цикл «Начало нартов» с циклом Урызмага и Сатаны. Наблюдаются межсюжетные контаминации и в цикле Сослана. Так, рождение и закалка героя, выступающие в паре, могут соединяться со сказанием о спасении Урызмага. Сослан воспитывается в подземелье, и впервые его Сатана выпускает, чтобы он пришел на помощь Урызмагу. В цикле Сослана объединяются и сказания о женитьбе героя и его смерти, включающие в себя сюжеты посещения Страны мертвых, мотив Бальсагова Колеса, этиологические мотивы. Причем заметим, что все эти сюжетные сцепления логически обоснованы и строго следуют повествовательной линии.

Как видим, контаминационные процессы играют большую роль в формировании сюжетов сказаний, в формировании биографий героев и эпических циклов. Контаминации наблюдаются на разных уровнях, начиная от отдельных мотивов и кончая сюжетами. Выделяются устойчивые сюжетные блоки, которые переходят из сказания в сказание. Происходит и слияние сюжетов внутри циклов, а также межциклические контаминации, которые обосновываются следованием содержательной линии.

В осетинском эпосе мы выделяем центры контаминирования. Это прежде всего цикл Батраза, цикл Сослана и история нартовского рода или цикл Уархага и сыновей. Циклы

Батраза и Сослана объединяют сюжеты «по принципу наибольшего выделения главного героя». Начальный же цикл нартовского эпоса объединяет сюжеты по принципу создания истории нартов, их родословной.

Мы подчеркиваем, что это именно центры контаминирования, где наблюдается стремление передавать эпические эпизоды, существующие и как отдельные сказания, в виде связанных текстов (сказаний), т.к. речь о других ориентирах циклизации и гиперциклизации уже шла в работах ученых и, прежде всего, наряду с общей генеалогией нартов выделялся образ Сатаны как связующий образ нартовского эпоса [1, с. 159].

Итак, мы выделяем три центра контаминирования сказаний осетинского нартовского эпоса. Это цикл Уархага и его сыновей, Сослана и Батраза, причем принципы объединения (слияния) сказаний различны: генеалогия рода и эпическая биография отдельного героя.

Как нами отмечалось, сюжетные блоки, переходя из сказания в сказание, превращаются в своего рода эпические клише, общие места. Помимо сюжетных блоков (сюжетных комплексов), ставших общими в осетинском эпосе, выделяются и другие *loci communes*, которые формируют повествовательную ткань осетинского нартовского эпоса и определяют его цикличность. К ним относятся фразеологические формулы. Говоря о фразеологических формулах, мы делаем акцент на плане выражения. Так же как и сюжетные блоки, переходя из одного сказания в другое, поэтические формулы создают своеобразное единство сказаний – стилевое единство, что тоже способствует целостному восприятию эпических текстов.

Само явление перемещения сюжетных блоков, как и фразовых повторений, их присутствие в разных циклах можно рассматривать как межциклическое явление в своей генетической основе (если оно естественно и полнокровно, а не является следствием деформации), которое потенциально представляется нам явлением начавшей складываться эпопеи.

Большую роль в формировании сказаний играет и амплификация. Амплификация в осетинском нартовском эпосе происходит как за счет иножанровых включений, в частности сказочных элементов, присоединяемых к эпическим элементам, так и за счет традиционных эпических мотивов и их блоков, причем используются устойчивые сюжетные комплексы, продуктивные в сюжетообразовании многих сказаний осетинского нартовского эпоса. Отметим, что распространение сказаний за счет традиционных эпических мотивов эпоса довольно часто, оно превалирует над амплификацией сказочного характера. Амплификации могут быть как единичными, так и довольно устойчивыми, как в сказании о безымянном сыне Урызмага.

Таким образом, амплификация в осетинском эпосе происходит путем введения новых мотивов и сюжетных комплексов, соотносимых с эпической традицией осетинского эпоса, путем присоединения неэпических элементов к эпическим и путем дублирования сюжетных ходов.

В осетинском нартовском эпосе выделяются мотивы продуктивные в сюжетообразовании всего эпоса, общие мотивы, встречающиеся во всех циклах. И прежде всего это мотивы, связанные с охотой, походами за добычей, пирами. Все эти мотивы, как видим, представляют повседневную жизнь нартовского общества и составляют основной сюжетообразующий фонд осетинского эпоса, активно участвующий в формировании сказаний. Это и не удивительно. Как пишет В.И. Абаев, «пытаясь на основании сказаний определить, в каких занятиях по преимуществу проводили время нарты, мы приходим к выводу, что таких занятий было два: с одной стороны, охота и экспедиции за добычей (балц, стар, хатан – это различные наименования одного и того же – рыскания в поисках добычи), с другой – шумные и обильные пирушки с десятками зарезанных животных и с огромными котлами, полными ронга и пива, пирушки, обязательно сопровождаемые буйными плясками, "от которых дрожала земля"» [1, с. 219].

Но помимо этих мотивов каждый цикл осетинского эпоса характеризуется наличием ряда мотивов и их комплексов, характерных только для отдельного цикла, выделяющих героя среди других; мотивов, являющихся как бы определителями цикла, иначе, его доминантами. Именно эти мотивы определяют оригинальность, непохожесть цикла и соотносятся с образом героя. Так, например, рождение из камня, закалка в волчьем молоке, уязвимость, богатырские игры-состязания, магические игры, шуба из усов и бород, облачение в шкуру животного, посещение Страны мертвых, мотив Бальсагова Колеса являются доминантными в цикле Сослана. Рождение из спины отца, низвержение на землю, спасение нартов от притеснителей, мотив Уацамонга, мотив чаши с отравленным напитком, месть за кровь отца, богоборчество – доминанты цикла Батраза.

Доминантные мотивы способствуют дифференциации героев и циклов, способствуют тому, что мы никогда не спутаем одного героя нартовского эпоса с другим. В этом свою роль играет и интерпретация, казалось бы, общих мотивов.

Рождение и закалка героя в цикле Сослана и в цикле Батраза строятся по одной схеме, но эта общая модель разрабатывается в соответствии с образом героя, выделению которого в цикле подчиняются все эпические средства. Сослан рождается из камня, оплодотворенного пастухом при виде полуобнаженной Сатаны. Затем героя закаляет в волчьем молоке Курдалагон. Колени героя остаются мягкими, т.к. по наущению Сырдона корыто сделали короче. Батраз появляется при иных обстоятельствах: Хамыц женится на девушке из

малорослого рода. Сырдон оскорбляет ее, и она уходит, вдув зародыш между лопаток мужа. Сатана вскрывает нарост на спине Хамыца и оттуда падает маленький Батраз, прожигая этажи башни. Затем Батраза закаляет Курдалагон в своей небесной кузнице. Уязвимым местом Батраза является темя или кишка. Так, из одной модели формируются совершенно разные сказания, и в этом, в интерпретации мотивов, важную роль играет доминанта героя.

В осетинском эпосе существуют одинаковые сюжеты, встречающиеся в разных циклах, относящиеся к разным героям. Одним из таких сюжетов является взятие крепости Хыз. Этот сюжет фигурирует и в цикле Сослана, и в цикле Батраза, но разрабатывается сюжет по-разному, в зависимости от доминанты героя. Сослан - герой, который не раз пользовался хитростью, чтобы одолеть противника. Прибегает он к подобной тактике и при взятии крепости Хыз. Когда не удается одолеть врага силой, Сослан притворяется мертвым, пока враг не выходит к нему. Батразу же подобные уловки чужды. Он просит зарядить собой пушку и таким способом разбивает стены крепости.

Другой пример – это сказание о спасении старших нартов от великанов Батразом [6, п. 23, д. 56, л. 1-2] и сказание о том, как Сырдон спас нартов [6, п. 145, д. 350, л. 72-79]. В зависимости от доминанты героя сказание развивается в героическом либо в комическом плане. Батраз спускается на помощь нартам с небес, плавя все на своем пути. Этот мотив низвержения Батраза с небес постоянен в его цикле и характерен именно для Батраза как грозного героя. В сказании же, где доминирует Сырдон, сюжет развивается в комическом плане. Сырдон спасает именитых нартов, но сначала издевается над ними, нанося урон достоинству нартовских богатырей.

Таким образом, в формировании сюжетов цикла значительная роль принадлежит доминанте героя. Циклы и строятся по принципу наибольшего его выделения, создания его эпической биографии. И такие классические, наиболее полные эпические биографии представляют в осетинском нартовском эпосе циклы Сослана и Батраза. Сказания об этих героях – действительно круг сказаний, замыкающийся смертью героя. Циклы же Урызмага и Сатаны, Сырдона не замкнуты. Это разомкнутые системы, интегрирующие в эпос. И Сырдон, и Урызмаг, и особенно Сатана проходят через весь эпос и играют в сказаниях эпоса, выходящих за рамки их собственных циклов, довольно существенную роль.

Эти герои, таким образом, выступают как связующие нити эпоса. Дистрибуция образов способствует так называемой гиперциклизации, стремлению к объединению сказаний эпоса в одно целое.

Речь не идет об абсолютности циклических процессов в осетинском эпосе. Дезинтеграция, как поздняя форма бытования эпоса, присуща и осетинскому эпосу (примером подобных процессов может служить перемещение определителей героизма от



одного героя к другому), но в данном случае нас интересуют факторы, работающие на цельное восприятие эпоса, способствующие образованию определенной системы.

Таким образом, к важным, наиболее типовым факторам циклообразования мы относим межсюжетные внутрициклические и межциклические контаминации, общие места, амплификацию, когда она идет в русле эпической традиции, доминанту героя и мотива, что взаимосвязано, процессы «дистрибуции» образов, т.е. их сквозное бытование почти во всех циклах и, что очень важно, – наполняемость цикла, его насыщенность мотивами и сюжетами, способствующими более полному раскрытию характера героя и более широкому охвату его эпической жизни.

### Список литературы

1. Абаев В.И. Нартовский эпос осетин // Избранные труды: религия, фольклор, литература. – Владикавказ : Ир, 1990. – С. 142-242.
2. Абаева З.В. Особенности сюжетной структуры осетинского нартского эпоса // Известия Юго-Осетинского НИИ. Вып. XIX. – Тбилиси, 1974. – С. 115-150.
3. Джанаев И.В. Нарты кадджыты бæрзонд аивдзинады сæйраг бæрæггæнтæ // Соч. Т. 3. – Орджоникидзе : Ир, 1968. – С. 462-476.
4. Дынник В.А. Сюжетика осетинского нартского эпоса и его идеальный герой // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. – М. : Наука, 1969. – С. 351-371.
5. Нарты. Осетинский героический эпос: в 3 кн. – М. : Наука, 1989-1991.
6. Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А.

### Рецензенты:

Бекоев В.И., д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета русской филологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.

Дзодзикова З.Б., д.филол.н., профессор кафедры осетинского языка и литературы факультета осетинской филологии Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова, г. Владикавказ.